

Михаил Петрович Старицкий

Зарница

Рассказ из невозвратного прошлого

(Из эпохи 70-х годов)

Оригинал здесь: [Книжные полки Лукьяна Поворотова](#).

*Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Лермонтов*

В небольшой полукрестьянской светлице было невыносимо парно и жарко. Яркий огонь в варистой, простой печи с широкими сводами шумно и весело пылал; у печи суежилась молодая женщина в очипке, повязанном темным платком, и в мешанской кофте. Молодица то подбрасывала в огонь толстые прутья, разламывая их ловко о колено, то забегала взглянуть на тесто, что всходило в макитре под кожухом, то подбегала к столу, на котором красовались и крашеные яйца, и масло, и ошипанная желтая курица, и оскобленный белый поросенок.

Несмотря на полдень, смотревший через четыре маленьких окна светло и весело в хату, красноватые пятна от огня дрожали на полу и бегали по ближайшей стене, вспыхивая ярким блеском на рогаче и ухвате; когда же молодица наклонялась к очагу, то желтый платок загорался на ней чистым золотом, а раскрасневшееся молодое лицо светилось жизнерадостно.

У ее ног вертелся лет пяти хлопчик в одной белой рубашке, подпоясанный красной тесемочкой; черные шустрые глазенки его сверкали любопытством и радостью, прехорошенькое личико, выпачканное в жир и сажу, горело здоровым детским румянцем. Мальчуган совался во все углы, все трогал своими ручонками. Молодица грозилла своему сынку пальцем и ласково покрикивала на него.

У окна, близ лежанки, на топчане, на высоко намощенных подушках, лежала молодая женщина, изможденная вконец тяжелым недугом; тощее ее тело было покрыто белым рядом, высохшие руки бессильно были закинута за голову; из-под тонких пальцев выбивались целые волны черных волос, обрамляя темным овалом прозрачно-бледное, почти сквозящее на свету лицо с явной печатью интеллигентности. Красивые, строго очерченные черты его хранили следы не только физических страданий, но и душевных невзгод. По черным кругам под глазами, по запекшимся губам видно было, что больную снедает какой-то внутренний жар. Воспаленными глазами она смотрела в открытое возле нее окно и, видимо, наслаждалась ароматным дыханьем весны, щекоотававшим живительной свежестью ее надорванную грудь.

А весна уже царилла в роскошном венчальном наряде.

У самого окна, словно укрытая пушистыми комками снега, серебрилась цветущая вишня; несколько нежных лепестков занес ветерок на подоконник и на голову больной. За вишней дальше, внизу огорода, зеленела яркой зеленью распутившаяся верба, увешанная золотыми сережками, за ней вырезывался на ясной лазури неба пирамидальный тополь, весь унизанный красно-коричневыми листиками, а дальше, дальше за огородом синела полоска широкой, многоводной реки. В мгlistой дали, заворачиваясь влево дугой, она яснала уже металлическим зеркалом, подернутым дымкой тумана; из-за нее подымались легкими очертаниями сизые с пестрыми пятнами горы, на верхней линии которых словно висел в воздухе и сверкал серебристыми куполами грациозный контур пятиглавой церкви стиля ренессанс. Издали доносился шум суетливой жизни и протяжный звон одиноких колоколов. Под окном чирикали веселые воробы, сизые ласточки мелькали в воздухе быстро и взмывали у окошка крылом; в кудрявых кустах шныряли суетливые куры и сбегались взапуски на призывный крик петуха...

Больная отвела тоскливый взор от чарующей дали, пытливо взглянула на синее безответное небо и, глубоко вздохнув, закрыла свои усталые очи.

- Эй, сядь мне, не путайся под ногами! - крикнула молодица. - Смотри, Гриць, не серди мамы, а то вместо червоного яичка прикатится к тебе березовая каша!

- Я не хочу березовой каши, ты мне, мама, молочной свари! - подбежал Гриць к молодице и закутал в ее сподницу свою головку.

- Ишь, что выдумал в пост! Прочь, балованный, чуть не опрокинула горшка с кипятком, ступай играть во двор, не мешай тут, а то, помяни мое слово, не понюхаешь завтра ни поросятины, ни пасхи!

- Мне не хочется... - плаксиво наморщился Гриць. Я буду тихо... Ей-богу,